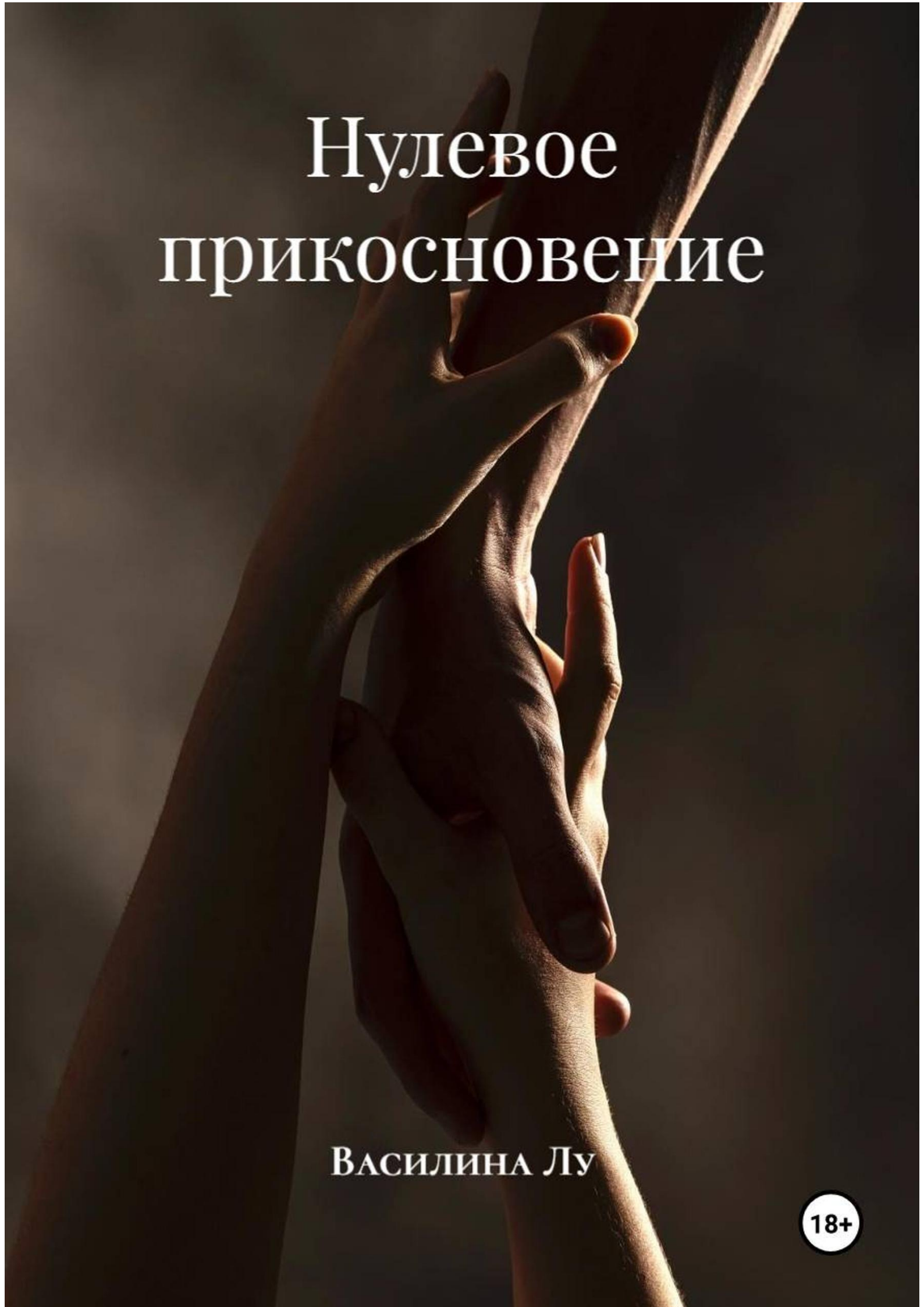

Нулевое прикосновение

ВАСИЛИНА ЛУ

18+

Василина Лу

Нулевое прикосновение

«Автор»

2026

Лу В.

Нулевое прикосновение / В. Лу — «Автор», 2026

Семь касаний. Семь вдохов. Семь шагов до смерти. Эрике двадцать один. Она студентка, живёт в обычной общежитии и казалось, что всё прекрасно, но.. она не может обнять подругу, погладить собаку или взять за руку того, кто ей нравится. Синдром Септимы — её приговор. Каждое прикосновение к живому — на вес жизни. И когда в её жизни появляется процессор Морос, холодный генетик, который ищет лекарство, привычное рушится. Конкурс. Лаборатория. Сыворотка, которая может снять проклятие. Но у всего есть своя цена. А мир вокруг трещит по швам. Пока Эрика борется за право коснуться, страны готовятся к войне. И её болезнь может оказаться не проклятием, а ключом. Или оружием. Она хочет будущее. Убьёт ли оно её или исцелит? Первый том трилогии «Семь касаний».

© Лу В., 2026

© Автор, 2026

Василина Лу

Нулевое прикосновение

Глава 1

Живое начало.

7 прикосновений в секунду.

Книга 1. Нулевое прикосновение.

Пролог

Я бы начала свой рассказ со слов «жила-была», но боюсь, что совру. Уж слишком позитивно они звучат для описания девушки, которая даже не может взять на руки раненого щенка. Нет, вы не подумайте, никаких фобий на животных, к счастью, я не получила — таких родителей, которые любят и оберегают своих детей, как зеницу ока, можно только поискать. Просто...

— Эрика! — отвлѣк от внутренних рассуждений миловидный высокий парень, кудри которого так и норовили остаться на серых, как утренний туман, холодных глазах. — Нужно срочно отвезти этого пса в ветлечебницу, хватит стоять на месте, он уже еле дышит!

Я смотрела на дрожащий комок шерсти, размякшем вдоль прерывистой разметки мокрой и пожелтевшей от упавших листьев трассы и чувствовала, как мой воздух в лёгких превращается в бетон. Маленький, грязный, с окровавленной лапой. Он скулил так тихо, что этот звук разрывал барабанные перепонки устрашающей тишиной.

Он умрѣт.

Я знала это, потому что он умрѣт, если я его не возьму, но сегодня Мия обняла меня перед уходом. Я разрешила...это наш утренний ритуал — раз. Одновременно схватила за поручень с незнакомцем, пока ехала в СмолкТаун — два. Поправила прядку волос, которая щекотала мне нос, дабы не чихнуть, опозорившись на паре, но счётчик на запястье пропищал, Чѣрт...паук — три. В перерыве Мари оттянула меня за локоть, когда на нас мчался табун второкурсников из зала телесной архитектуры. Ну и зрелище! — четыре. Мне нужно было пятое касание, чтобы забрать свой кофе из рук лапочки-бариста, традиционное и последнее за день, как думала я, но у жизни свои планы и мы оказались в этой ж...ситуации. Следующие два касания стали фатальными, И если сделаю восьмое за этот вдох, мой лёгкие сгорят быстрее, чем несчастное животное сделает последний выдох. Это конец.

Парень с кудрями смотрел на меня с ужасом. Он не понимал. Он думал, я чудовище.

— Я... не могу, — выдавила я.

— Что значит «не могу»? — он уже наклонился, протянул руки к щенку. — Ты просто возьми его!

— Я не могу, — повторила я, и в голосе зазвенела сталь, которой я так давно не чувствовала. — Если я возьму — мы оба умрём.

Он схватил щенка сам. Рванул к машине. Я осталась стоять в луже, глядя на остатки вязкой жидкости, и считала про себя: «три... четыре... пять...». Дыхание выравнивалось. Я жива.

А он — нет. Я знала это, когда машина уехала слишком быстро, а скулёрж оборвался на полуслове.

В ту ночь всё пошло прахом. Мне оставалось только считать удары собственного сердца.
Что хуже — стать чудовищем или оставаться бессильной?

ГЛАВА 1

Тишина.

И снова резкий звук будильника оторвал меня от подушки.

А-а-а... ненавижу понедельники. Они напоминают о том, что пора поднять свою сладкую попу и шевелить ножками во благо общества. И кто вообще придумал эти недели и режим обучения в виде пяти дней? — тихо пробормотала я под нос, волоча ватное тело к импровизированной кухне.

— Мне срочно нужна доза кофеина, — прошептала я в пустоту, потирая глаза кулаками. Вздых.

Я могу чесать нос, массировать виски, гладить собственные руки сколько душе угодно. Единственная бесконечная роскошь, не считая моей искренней преданности одной несусветной занозе.

— Можно не будить, а? У меня ещё есть два часа, чтобы поспать, — начала негодовать Мия из-под одеяла.

— А нечего было брэнчать в дверь аж в пять утра. Не я после своих тусовок заявляюсь домой только под утро, потеряв ключи, — с томным вздохом ответила я своей «любимой» соседке.

Мия что-то проворчала, зарылась в подушку и мгновенно отключилась. Её талант вырубаться за три секунды всегда меня поражал.

Ну, погнажи.

Если я сейчас возьмусь за ручку чайника — это касание раз. Если я нажму кнопку — два. Если я достану кружку — три.

Я включила чайник. Тишина. Достала кружку, зажав её между ладонями через полотенце — четыре. Высыпала содержимое пакета с надписью «Арабика» пальцами левой руки — пять. Залила кипятком — шесть.

Я замерла. Знаю, что со стороны выгляжу странной, но я стояла неподвижно, глядя на пар, и считала: «Семь».

Можно выдохнуть. Я жива. Счётчик не тронулся.

Мия приоткрыла один глаз, сонный и хитрый.

— Ты опять считаешь?

— А ты опять подглядываешь, — я усмехнулась и отпила кофе. Горячий, крепкий, горький и такой живой. Первый глоток всегда казался мне самым честным моментом дня — до того, как мир начнёт требовать своё.

Мия села на кровати, потянулась так, что хрустнули позвонки, и посмотрела на меня с той смесью нежности и тревоги, которую я научилась читать без слов.

— Ты сегодня какая-то... стеклянная, — сказала она. — Опять щенок снился?

Я не ответила. Просто допила кофе и поставила кружку в раковину.

— Эрика.

— Что?

— Ты считаешь даже, когда молчишь. Я же вижу твоё выражение лица.

Она встала, подошла ко мне, но не коснулась. Остановилась в шаге. Мы обе знали это расстояние — расстояние вытянутой руки, которое никогда не сокращается без разрешения.

— Я в порядке, — соврала я.

— Ага. Как же. Наша Эрика и её пуленепробиваемое «всегда в порядке, даже когда вся почва выбита из под ног, а дыхание становится испытанием» Глупышка, я не первый день с тобой на планете. А так хотелось пропустить первую пару по фармакологии...

Мия ушла в душ, а я осталась стоять у окна. За стеклом моросил дождь, серый и мелкий, как обычно в это время года. На запястье браслет-счётчик мигал ярким и противным зелёным: «0». Полночь обнулила лимит два часа назад. У меня в запасе были все семь касаний — и ни одного потраченного.

Я сняла пижаму и натянула джинсы, футболку, свитер. Застегнула ремень, завязала шнурки, собрала волосы в хвост. Всё сама. Всё без счёта. Собственное тело и ткань — это моя территория, хоть здесь я свободна.

Но стоило мне подойти к двери, как я замерла. Перчатки. Тонкие, чёрные, почти незаметные, по цветочку из жемчуга на каждой, чтобы не забывать о красоте этого мира. Я натянула их и сжала кулаки. Ткань на руках — мой единственный якорь, за который я могу держаться, чтобы не утонуть, как бы сумбурно это не звучало.

— Мия, — позвала я.

— М? — донеслось из-за двери ванной.

— Я ухожу.

— Иди уже. И не умирай там, — она высунула голову, мокрая, с полотенцем на плече.
— Серьёзно, Эрика. Если кто-то будет к тебе лезть — просто беги. Плевать на приличия.

— Я знаю.

— Нет, не знаешь. Ты слишком вежливая для человека, который может умереть от рукопожатия.

Я улыбнулась — впервые за утро. Мия была единственной, кто говорил о моём синдроме без шёпота, трагических пауз и сочувствующих взглядов. Она просто называла вещи своими именами. За это я её и обожала.

— Пока, — сказала я и вышла.

Коридор общежития встретил меня привычным хаосом. Кто-то жарил яичницу на общей кухне — запах масла и горелого лука. Кто-то орал в телефон, стоя у окна. Две девушки из соседней комнаты обсуждали парня с третьего этажа, который, по их словам, «просто ходячий секс, но тупой как пробка».

Я шла вдоль стены, прижимаясь плечом к холодной штукатурке. Это была моя проверенная временем тактика: минимум пространства, минимум людей, минимум случайностей. На лестнице я пропустила вперёд парня с коробкой — он нёс её неловко, задевая перила, и я не хотела оказаться рядом, если он споткнётся.

На первом этаже, у выхода, стояла вахтёрша — тётя Нина, женщина с лицом бульдога и сердцем, спрятанным где-то очень глубоко. Она протянула мне ключ от почтового ящика.

— Держи, там тебе письмо.

Я взяла ключ через перчатку. Открыла ящик — внутри лежал конверт с логотипом университета. Я вскрыла его тут же, у стойки.

«Уважаемая Эрика Вайс. Ваша заявка на участие в исследовательской программе кафедры генетики отклонена в связи с недостаточными данными о состоянии здоровья. Рекомендуем обратиться в деканат для пересмотра учебного плана».

Я перечитала три раза. Потом сложила письмо и засунула в карман.

Значит, они уже знают. Какая-то крыса слила информацию? Кто-то в деканате решил, что я слишком рискованная единица, чтобы допускать меня к экспериментам. Они боялись, что я умру в их лаборатории и подниму шум.

Что ж. Логично. Только вот я не собиралась сдаваться.

Улица пахла дождём и мокрым асфальтом. Я шла в потоке студентов, лавируя между зонтами и локтями. Мимо проехал велосипедист, обдав меня брызгами. Я не успела отскочить — вода попала на куртку. Ну и утро.

Университетский корпус возвышался серой громадой. На входе толпились студенты, курили, пили кофе из картонных стаканов, целовались. Обычная жизнь. Обычные люди. Обычные прикосновения. Стоп, не завидовать. Нужно сосредоточиться.

Я прошла через турникет, приложив карту к сканеру.

В холле первого этажа висела доска объявлений. Я остановилась, пробежала глазами: «Сенсорные тренинги», «Кружок астрономии», «Набор в театральную студию», «Открытая лекция профессора Мороса: "Генетические аномалии тактильной чувствительности"».

Морос.

Я запомнила эту фамилию ещё до того, как увидела её сегодня. Она всплывала в расписании, в списках научных публикаций, в разговорах старшекурсников. Говорили, что он холодный, расчетливый гений, не подпускающий слишком близко.

Забавно. В одном, как минимум, мы похожи.

Аудитория 302 находилась на третьем этаже, в старом крыле корпуса, куда редко добирались ремонтные бригады. Дубовая дверь с облупившейся старой краской, тяжёлая, как крышка гроба, открывалась с протяжным скрипом, который я слышала ещё в конце коридора. Я толкнула её плечом — руки были заняты кучей конспектов с балансирующей термocupкой наверху — и робко шагнула внутрь.

Большое, но достаточно тесное пространство из-за высоких потолков и узких окон встретило меня без распростертых объятий. Свет сюда попадал неохотно: серое небо за стеклом, забранном частой решёткой, казалось ещё серее, чем на улице. Лампы под потолком — длинные, гудящие, с мертвенно-белым светом — работали вполсилы, и половина аудитории тонула в сумраке.

Парты стояли в три ряда, старые, деревянные, с выпарапанными на столешницах именами и признаниями. Я прошла дальше. Кто-то оставил на спинке стула жевательную резинку — розовую, присохшую, как медуза. Кто-то нарисовал на стене член — классика жанра, неистребимая, как тараканы. Пахло пылью, мелом и слабым запахом пота — аудитория явно не проветривалась с пятницы.

Доска — зелёная, облупленная, с белыми разводами от старых записей — занимала всю стену. Рядом с ней висел проектор — древний, с треснувшим объективом, который включался только с третьего раза. Под потолком гудели лампы, и этот звук действовал на нервы больше, чем лекции.

Я заняла место на последнем ряду, у окна. Отсюда было видно весь поток — кто сидит, кто списывает, кто спит. Я всегда выбирала последний ряд. Не потому, что не хотела учиться,

а потому, что не хотела быть в центре. Случайные прикосновения локтей, передача конспектов из рук в руки, когда ты вынужден улыбаться и делать вид, что такой же, как и все.

Окно рядом со мной было приоткрыто — щель с палец, но этого хватало, чтобы в аудиторию просачивался холодный воздух. Я подставила лицо под волну прохлады и просто наслаждалась минутками перед началом активной работы мозга.

Студенты подтягивались медленно, вяло, как мухи на варенье. кто-то листал телефон не отлипая, кто-то спал, положив голову на рюкзак. Обычное утро понедельника. Обычные люди. Обычная жизнь.

Я вытянула руки перед собой и сжала кулаки, приготавливаясь достать ноутбук из рюкзака.

— Эрика! — громкий шёпот раздался слева. Я обернулась.

Даниэль плюхнулся на соседний стул, раскинув руки и чуть не задев меня локтем. Я вовремя отклонилась.

— Ты слышала? Морос сегодня выступает на открытой лекции! Говорят, он ищет добровольцев для эксперимента. Настоящего, с пробирками, с сыворотками! — он загорелся так, будто ему предложили бесплатный билет на шоу кабаре.

Даниэль был из тех людей, которые не умеют сидеть на месте. Вечный клоун с непослушными растрёпанными русыми волосами и дурацкой улыбкой. Он учился с нами с первого курса, и за это время успел достать всех — но по-доброму, так, что на него невозможно было злиться.

— И что? — я пожала плечами. — Нас всё равно не возьмут.

— Почему это? — он аж подпрыгнул. — Ты одна из лучших на потоке! У тебя биология — автомат. Если кто и достоин, так это ты!

— Эмерсон, блин! — раздался холодный голос сзади. — Ты мешаешь.

К нам подошла Лана Карпатская. Каре, каштановые прямые волосы, очки в тонкой оправе. Строгая и угрюмая, она всегда садилась за первую парту и всегда знала ответ на любой вопрос. Мы с ней не то, чтобы дружили, но учились с первого курса и как-то незаметно сбились в одну компанию — вместе с Даниэлем и Максимом.

Максим сидел через два ряда, уткнувшись в ноутбук. Русые волосы падали на лоб, что-то печатал, не поднимая глаз. Тихий и сосредоточенный, он был из обеспеченной семьи — его отец владел сетью клиник в городе. Максим никогда не хвастался этим, но все знали. Он был ботаником в лучшем смысле слова: умный, спокойный, всегда готовый помочь с конспектами.

— Я не мешаю, — обиделся Даниэль. — Я информирую.

— Ты орёшь и из-за тебя я вечно не могу дозваться до подруги, — Лана поправила очки и села рядом. — Эрика, ты в курсе, что заявки на участие в программе Мороса подали уже двенадцать человек?

— И? — я старалась говорить ровно.

— И из них только двое прошли предварительный отбор. А ты даже не подавала заявку. Почему?

Я молчала. Лана смотрела на меня в упор, и в её глазах было что-то похожее на укор. Она всегда была прямолинейной, иногда до жестокости, но за это я её и уважала. С Ланой не нужно было играть в вежливость.

— Потому что я не хочу быть студенткой на побегушках, — наконец сказала я.

— А мне кажется, — Лана понизила голос, — ты просто боишься.

Я сжала ручку. Она не знала. Никто из них не знал о моём синдроме. Для них я была просто Эрикой — тихой, странной девочкой среднего роста, которая постоянно собирает свои блондинистые волосы в высокий хвост, выделяя пару прядей, всегда в перчатках и никогда не даёт пять. Они привыкли. Они не спрашивали. И я была им благодарна за это.

— Оставь её, — вмешался Максим, не поднимая головы от ноутбука. — Не всем нужно быть героями науки.

— Спасибо, Макс, — я слабо улыбнулась.

Даниэль тут же переключился на другую тему — начал рассказывать про какую-то вечеринку, на которую его пригласили, и про девушку, которая «ну просто огонь, но у неё парень — качок, так что я даже не рыпаюсь». Лана закатила глаза. Максим хмыкнул, не отрываясь от экрана.

Я смотрела на них — таких разных, таких обычных — и думала: вот она, жизнь.

Лекция по биохимии. Профессорша — пожилая женщина с усталым голосом — рассказывала про метаболизм липидов. Я записывала, но краем глаза следила за залом.

Вот парень с первого ряда передаёт девушке записку. Их пальцы соприкасаются. Никто не считает. Никто не думает.

Вот две подруги обнимаются, смеются, хлопают друг друга по плечу. Они делают это не задумываясь. Для них прикосновение — это воздух. Для меня — валюта.

Вот преподавательница подходит к студенту, кладёт руку ему на плечо. Обычный жест. Она даже не замечает его.

А я замечаю всё. Каждое касание в этой аудитории — как вспышка. Я вижу их всех: тех, кто трогает, и тех, кого трогают. Они не ценят. Они не знают, каково это — иметь лимит.

— Эрика, — прошептал Даниэль, наклонившись ко мне. — Ты чего такая кислая? Опять не выпалась?

— Нормально, — ответила я.

— Врёшь, — он прищурился. — Я тебя сто лет знаю. Ты когда грустная, у тебя брови домиком и ты постоянно отрываешь заусенцы на пальцах.

Я невольно улыбнулась. Дэниэль умел поднимать настроение, даже когда я не хотела.

— Спасибо, — сказала я тихо.

— За что?

— За то, что ты есть, — и тут же осеклась. Вспомнила, что уже говорила это сегодня Мие. Повторяюсь. Старею.

Дэниэль фыркнул и вернулся к своей тетради, где вместо конспекта рисовал человечков.

После лекции была пара по анатомии. Мы разбирали строение кожи. Тактильные рецепторы, тельца Мейснера, диски Меркеля, свободные нервные окончания. Преподаватель — молодой аспирант с нервным тиком — рассказывал, как работает осязание.

— Кожа — самый большой орган чувств, — говорил он. — Через неё мы получаем информацию о мире. Прикосновение — это базовая потребность человека. Без него младенцы не развиваются, взрослые страдают от депрессии. Тактильный контакт снижает уровень кортизола, повышает окситоцин. Это физиология.

Я слушала и думала: а что если физиология — это приговор?

— Существуют редкие патологии, — продолжил аспирант, — при которых тактильная чувствительность нарушена. Например, синдром Септимы, или болезнь седьмого касания. Пациенты с этим диагнозом могут совершить не более семи осознанных контактов с живой тканью за сутки. Восьмой приводит к анафилактическому шоку и смерти.

Зал зашептался. Кто-то присвистнул. Кто-то засмеялся.

— Представляете, — прошептала одноклассница впереди, — жить и не мочь никого обнять? Это же пытка.

— Да ладно, — ответил её сосед. — Это же так просто — не трогать людей. Я бы смог.

Я сжала ручку так, что она хрустнула. Просто? Не трогать людей? Попробуй. Попробуй прожить день, не касаясь никого. Не хлопнуть друга по плечу, не взять за руку маму, не погладить свою кошку или собаку, не обнять любимого. Попробуй. А потом расскажи мне, как это просто.

— Эрика, — Лана обернулась с передней парты. — Ты в порядке? Ты вся покраснела.

— Всё нормально, — выдавила я. — Просто... не люблю эту тему.

Лана смотрела на меня секунду дольше, чем нужно. Иногда мне казалось, что она что-то подозревает. Но она никогда не спрашивала напрямую. И я была ей за это благодарна.

Столовая. Очередь. Запах супа и жареной картошки. Я взяла поднос, поставила на него тарелку с салатом и стакан чая.

— Эри, ты опять с этим салатом? — Даниэль появился из ниоткуда, балансируя подносом с двумя порциями картошки и котлетой. — Ты же скоро в него превратишься.

— Может, и даже лучше, — пробурчала я.

— Не смешно, — он небрежно сел напротив. Лана опустилась рядом с ним, разложила салфетку, приступила к еде с методичной аккуратностью. Максим пришёл последним, сел чуть в стороне, открыл ноутбук и начал есть одной рукой, продолжая печатать другой.

— Ты вообще жуёшь? — Лана покосилась на него.

— Многозадачность, — ответил Максим, не поднимая глаз.

— Это не многозадачность, это неуважение к еде, — отрезала Лана.

Даниэль фыркнул.

— Лан, ты как будто из прошлого века. Расслабься. Может, тебе тоже стоит научиться делать два дела сразу?

— Я умею. Просто предпочитаю делать одно, но хорошо. А кто-то и одно нормально сделать не может, например, полностью написать конспект, да, Дань?

Я слушала их перепалку и чувствовала, как внутри становится теплее.

Мимо прошла компания — парни и девушки, громкие, весёлые, они толкались, хлопали друг друга по спинам, обнимались. Один из них задел мой стул. Я вздрогнула, но всё обошлось. Слава Богу, что это был всего лишь стул.

— Ты чего дёргаешься? — Дениэль проследил за моим взглядом.

— Ничего. Просто... не люблю, когда толкаются.

— Кто, эти? Да они безобидные. Просто громкие.

Я не ответила. Я смотрела на них — как они трогают друг друга бездумно, свободно. И чувствовала, как в груди что-то сжимается. Не зависть. Что-то глубже. Тоска по тому, чего у меня никогда не было.

Я ела свой салат и молчала.

После обеда была библиотека. Я искала литературу по генетике — хотела написать курсовую. Тема: «Наследственные аномалии тактильной чувствительности». Иронично, да?

Библиотека — старое здание с длинными коридорами из книг, высокими потолками и запахом пыли. Я любила это место. Здесь было тихо, люди сидели за столами, никто никого не трогал. Здесь я могла расслабиться.

Я нашла нужные книги, села за стол у окна. Рядом со мной сидел парень — худой, в очках, с наушниками. Он читал что-то по химии, иногда делал пометки в тетради, не обращал на меня внимания. Идеально.

Через полчаса пришёл Максим. Он сел напротив, молча, открыл свой ноутбук. Мы не разговаривали — просто сидели вместе. Иногда он поднимал глаза, смотрел на меня, потом возвращался к работе.

— Эрика, — позвал он тихо.

— М?

— Ты в последнее время сама не своя. Что-то случилось?

Я посмотрела на него. Максим был единственным, кто замечал такие вещи. Он никогда не лез в душу, не задавал лишних вопросов. Просто спрашивал — и если я не хотела отвечать, он не настаивал.

— Всё нормально, — сказала я. — Просто устала.

Он кивнул и вернулся к ноутбуку. Мы просидели так ещё час. Молча. И это было лучше любых слов.

Я открыла книгу и начала читать. Синдром Септимы. Первое упоминание в медицинской литературе — 1897 год. Описание: «Пациентка, 19 лет, не может прикасаться к живым существам. При попытке восьмого контакта за сутки — удушье, отёк, смерть».

Я перевернула страницу. Статистика. Средняя продолжительность жизни — 32 года. Основные причины смерти: случайное касание в толпе (43%), несчастный случай на производстве (21%), самоубийство (18%).

Самоубийство. 18 процентов.

Я закрыла книгу и уставилась в окно. Дождь всё ещё моросил. Люди на улице бежали, прятались под зонтами, держались за руки.

18 процентов. Почти каждый пятый не выдерживает. Не может жить в мире, где все трогают друг друга, а ты — нет.

Бесконтрольная мысль прокралась в мою голову: а я? Сколько я ещё выдержу?

Вечером я вернулась в общагу. Мия сидела на кровати с ноутбуком и чашкой чая.

— Ну, как день? — спросила она, не поднимая глаз.

— Как обычно, — я сняла куртку, повесила на стул. — Лекции, библиотека. Даниэль опять рисовал человечков, вместо конспекта. Лана отчитывала Максима за то, что он ест и печатает одновременно.

Мия улыбнулась.

— Твои друзья — это отдельный вид искусства.

— Они не друзья, — сказала я, садясь на кровать. — Так. Однотруппники.

— Ага. Конечно. Ты их знаешь три года, они тебя, кажется, тоже.
Это называется друзья, дорогая.

Я не ответила. Просто легла и уставилась в потолок.

— Мия, — позвала я через минуту.

— М?

— Ты когда-нибудь думала, каково это — не мочь никого обнять?

Тишина. Потом шорох одеяла, её шаги. Она подошла, остановилась в шаге от меня, не касаясь.

— Думала, — сказала она. — Каждый день. Когда вижу тебя.

Я закрыла глаза. В груди что-то сжалось — тёплое, болезненное, живое.

— Спасибо, — прошептала я.

— За что?

— За то, что ты рядом. Даже если не касаешься.

Она села на пол рядом с кроватью, прислонилась спиной к стене. Мы молчали. Дождь стучал по стеклу. Браслет на моём запястье мирно горел зелёным: «Осталось 6».

Я потратила одно касание сегодня. На Мию. И я не жалела. Всё прошло по плану.

После прекрасного вечернего душа я свернулась в мягкое одеяло и поставила ненавистный будильник на телефоне. В темноте слышалось дыхание Мии — ровное, спокойное. Она спала. Надеюсь, что ей снятся радуги и единороги.

Я завидовала ей. Тихо, беззлобно, но завидовала.

Завтра будет новый день. Новые семь касаний. Новые попытки жить. Ну я сейчас пора снова пойти навстречу измученному кошмару.

6 сентября. Понедельник. Потрачено: 1 (Мия). Осталось: 6.